

Вера Комарова, Динара Тутаяева, Тамар Какутия

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КЛАССОВ В ЛАТВИИ НА ОСНОВЕ ИЗМЕРЕНИЯ РЕСУРСОВ И ИХ КАПИТАЛИЗАЦИИ

DOI: [https://doi.org/10.9770/szv.2021.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2021.2(2))

Для цитирования: Комарова В., Тутаяева Д., Какутия Т. (2021) Изучение социальных классов в Латвии на основе измерения ресурсов и их капитализации. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Вестник социальных наук*, 33(2): 30–55. [https://doi.org/10.9770/szv.2021.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2021.2(2))

For citation: Komarova V., Tutaeva D., Kakutia T. (2021) Latvian social classes' investigation based on the measurement of the resources and their capitalization. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis / Social Sciences Bulletin*, 33(2): 30–55. [https://doi.org/10.9770/szv.2021.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/szv.2021.2(2))

Современные латвийские исследователи практически не занимаются вопросами социальной стратификации. Но без тщательного и достоверного анализа социальных классов экспертное сообщество не имеет возможности предложить властям и общественности эффективные инструменты управления, которые соответствовали бы реальному состоянию латвийского общества. Целью данного исследования является изучение «ресурсных портфелей» и совокупного капитала, а также степени капитализации ресурсов, имеющихся в распоряжении представителей социальных классов современной Латвии. Объём и структура «ресурсного портфеля» и совокупного капитала различных социальных классов изучаются с помощью методологии, разработанной профессором социологии Даугавпилсского университета В. Меньшиковым на основе теории социальных полей П. Бурдьё и ресурсного подхода (или подхода «ресурс-актив-капитал») российской учёной Н. Тихоновой, с небольшими изменениями со стороны авторов. В статье анализируются результаты социологического опроса населения Латгальского региона Латвии (2019 год, $n = 798$ респондентов), в рамках которого полярные социальные классы определяются на основе двух объективных (доход и образование) и одного субъективного (самоидентификация респондентов) критериев. На примере низшего рабочего класса и среднего класса авторы доказали следующее: 1) низший рабочий класс имеет статистически значимо меньший по объёму «ресурсный портфель», чем средний класс; 2) низший рабочий класс не так успешен, как средний класс, в процессе капитализации имеющихся в его распоряжении ресурсов, т.е. в процессе превращения их в капитал. В современной Латвии полярные социальные классы различаются между собой не столько спецификой ресурсов, сколько спецификой капитала. Эти статистически значимые двухуровневые различия не уступают одно другому по своей значимости. Эмпирическое изучение объёма и структуры «ресурсного портфеля» и совокупного капитала различных социальных классов в современной Латвии с использованием ресурсного подхода способствует развитию теоретической и прикладной социальной науки посредством практической апробация инновационной методологии исследования. Результаты исследования имеют также определённое практическое значение и могут быть использованы для повышения эффективности социальной политики современной Латвии путём расширения возможностей социальной мобильности низших классов.

Ключевые слова: социальный класс, ресурс, «ресурсный портфель», степень капитализации ресурса, низший рабочий класс, средний класс, Латвия.

Resursu un to kapitalizācijas mērīšanā balstīta sociālo šķiru izpēte Latvijā

Mūsdienu Latvijas pētnieki praktiski nenodarbojas ar sociālās stratifikācijas jautājumiem. Taču bezrūpīgas un ticamas sociālo šķiru analīzes ekspertu kopiena nav spējīga piedāvāt valdībai un sabiedrībai efektīvus vadības instrumentus, kas atbilstu Latvijas sabiedrības reālajam stāvoklim. Šī pētījuma mērķis ir izpētīt “resursu portfeļus” un kopējo kapitālu, kā arī mūsdienu Latvijas sociālo šķiru pārstāvju rīcībā esošo resursu kapitalizācijas pakāpi. Dažādu sociālo šķiru kopējā kapitāla, kā arī “resursu portfeļa” apjoms un struktūra tiek pētīta ar metodoloģiju, ko izstrādājis Daugavpils Universitātes socioloģijas profesors V. Meņšikovs, izmantojot P. Burdjē sociālo lauku teoriju un Krievijas zinātnieces N. Tihonovas piedāvāto resursu pieeju (vai pieeju “resurss-aktīvs-kapitāls”), ar nelielām izmaiņām no autoru puses. Rakstā tiek analizēti Latgales reģiona iedzīvotāju socioloģiskās aptaujas rezultāti Latvijā (2019. gads, n = 798 respondenti), kas [aptaujas] ietvaros polārās sociālās šķiras tika identificētas pēc diviem objektīvajiem (ienākums un izglītība) un viena subjektīvā (respondentu pašidentificēšanās) kritērija. Balstoties uz zemākās strādnieku šķiras un vidusšķiras piemēru, autori pierādīja: 1) zemākajai strādnieku šķirai pēc apjoma ir statistiski nozīmīgi mazāks “resursu portfelis” nekā vidusšķirai; 2) zemākā strādnieku šķira nav tik veiksmīga kā vidusšķira tās rīcībā esošo resursu kapitalizācijas procesā, t.i., pārvēršot tos kapitālā. Mūsdienu Latvijā polārās sociālās šķiras diferencē ne tik daudz resursu specifika, cik kapitāla specifika. Šīs statistiski nozīmīgās divu līmeņu atšķirības ir līdzvērtīgas pēc sociālās nozīmības. Dažādu sociālo šķiru “resursu portfeļa” un kopējā kapitāla apjoma un struktūras empīriskā izpēte mūsdienu Latvijā, izmantojot resursa pieeju, veicina teorētiskās un lietīšķās sociālās zinātnes attīstību, praktiski aprobējot inovatīvo metodoloģiju. Pētījuma rezultātiem ir arī zināma praktiskā lietderība: tos var izmantot, lai uzlabotu mūsdienu Latvijas sociālās politikas efektivitāti, paplašinot zemāko klašu sociālās mobilitātes iespējas.

Atslēgas vārdi: sociālā šķira, resurss, “resursu portfelis”, resursa kapitalizācijas pakāpe, zemākā strādnieku šķira, vidusšķira, Latvija.

Latvian social classes' investigation based on the measurement of the resources and their capitalization

Modern Latvian scientists almost do not deal with the issues of social stratification. At the same time, without a thorough and reliable analysis of the social class structure, the expert community cannot provide the authorities and civil society with effective tools that would meet the actual needs of Latvia. The purpose of this study is investigating the “resource portfolios” and total capital, as well as the degree of the capitalization of resources, which representatives of Latvian social classes have at their disposal. The amount and structure of “resource portfolio” and total capital of different social classes are studied using the methodology developed by V. Menshikov, professor of sociology at Daugavpils University. This methodology is based on P. Bourdieu's theory of social fields and Russian scientist N. Tikhonova's resource approach (or resource-asset-capital approach), with minor modification by the authors. In the article, the results of the sociological survey of the inhabitants of Latgale region of Latvia (2019, n = 798 respondents) are analyzed. The polar social classes are identified based on two objective (income and education) and one subjective (self-identification of respondents) criteria. Based on the cases of the lower working class and the middle class, the authors proved the following: (1) the lower working class has statistically significantly smaller “resource portfolio” than the middle class; (2) the lower working class is not so successful as the middle class in activating the resources at their disposal, turning them into their capital. In the modern Latvia, the polar social classes differ among themselves not so much by resources specificity as by capital specificity. These statistically significant two-level differences are not inferior to one another in terms of their importance. An empirical study of the amount and structure of the “resource portfolio”

and the total capital of different social classes in the modern Latvia using the “resources-assets-capital” approach contributes to the development of theoretical and applied social science through practical testing of innovative research methodology. The research results have also a certain practical importance and can be used to improve the social policy of the modern Latvia. This requires a stronger emphasis on the opportunities for social mobility of the lower classes.

Key words: social class, resource, “resource portfolio”, degree of the resource capitalization, lower working class, middle class, Latvia.

Введение

Несмотря на то, что иерархическая социальная стратификация всегда являлась и продолжает являться неотъемлемым атрибутом большинства человеческих обществ (Sidanius, Pratto 1999), являясь стимулом развития общества (Shmoller 1906), тот «ресурсный портфель», которым обладают представители различных социальных классов, а также способы его приобретения меняются в большей или меньшей степени в зависимости от времени и места. Например, изучая вопросы лидерства и социальной мобильности в южноазиатском обществе за период с 1677 по 1983 год на примере Минахасы (*Minahasa*) (полуострова в северной части индонезийского острова Сулавеси (*Sulawesi*)), португальская учёная (голландского происхождения) в области социальной антропологии М. Схоутен (*M. Schouten*) пришла к выводу о том, что «основными средствами обретения статуса в доколониальной Минахасе были военные заслуги и богатство. Несмотря на радикальные изменения, которые претерпел этот регион в течение трёх столетий, — особенно после установления голландского колониального правления в XIX веке, способы достижения высокого общественного статуса мало изменились, а стремление к власти и престижу по-прежнему характерно для общества Минахасы» (Schouten 1998: 5). В свою очередь, Э. Клэйн (*E. Klein*) и В. Токман (*V. Tokman*), изучавшие социальную стратификацию в латиноамериканском обществе в эпоху глобализации — в течение двух последних десятилетий XX века — обнаружили, что «социальные группы по-прежнему структурированы по профессиям, но в ситуации, когда меняются культурные и экономические механизмы достижения соответствия национальным и международным интересам, целые сектора экономики, как правило, теряют свою значимость и свой престиж» (Klein, Tokman 2000: 28).

Что касается изучения социальной стратификации в восточноевропейском обществе, пережившем в конце XX века переход от социализма к капитализму, то, к примеру, результаты проведённого сравнительного исследования моделей социальной мобильности в начале 1990-х и в конце 2000-х годов в странах Центральной и Восточной Европы показали значительное снижение «текучести» социальных страт между двумя изучаемыми периодами, которое произошло, вероятно, вследствие изменений в институциональных механизмах, регулирующих передачу капитала от одного поколения к другому (Jackson, Evans 2017). Исследователь социальной стратификации в Латвии П. Лақис (*P. Laķis*) выделил три, по его мнению, наиболее важных измерения стратификации в таком переходном обществе, каким была Латвия в 1990-х годах: 1) материальное расслоение, диф-

ференциация доходов; 2) отношения с политической властью; 3) престиж профессии (Lakis 1994). В свою очередь, другой латвийский социолог, изучавший социальную стратификацию латвийского общества, – В. Меньшиков – утверждает, что средний класс в научном понимании в Латвии вообще отсутствует, и вводит понятие «кандидатов в средний класс» (Mensikovs, Lavrinovica 2011; Menshikov 2016).

В научной литературе встречается очень много подходов к изучению социальной стратификации – как с точки зрения предмета исследования (статическая социальная стратификация или динамическая социальная мобильность), так и с точки зрения способов измерения социальных страт (по объективным или субъективным критериям, по одному или нескольким). В рамках данного исследования авторы попытаются по возможности объединить разные подходы к изучению социальной стратификации в современном латвийском обществе на примере одного региона Латвии, определив социальные страты на основании двух объективных (доход и образование) и одного субъективного (самоидентификации респондентов) критерия, а также изучив объём и структуру «ресурсного портфеля» и совокупного капитала различных социальных классов с помощью так называемого ресурсного подхода или подхода ресурсов-активов-капитала, разработанного российской учёной Н. Тихоновой в качестве новой теоретической парадигмы в стратификационных исследованиях (Tikhonova 2006). Ресурсный подход основан на следующей методологической предпосылке: ресурсы, имеющиеся в распоряжении человека, в результате их задействования (активации) могут быть превращены в его активы, которые, в свою очередь, могут иметь социально-экономическую отдачу, т.е. стать капиталом человека. Аспект социальной мобильности в данном исследовании будет затронут с помощью сравнения роли критериев социальной стратификации, с помощью которых можно измерить статическое положение человека в социальной иерархии, с ролью факторов, при помощи которых человек может изменить свой социально-экономический статус.

Таким образом, целью данного исследования является эмпирическая проверка – на примере данных социологического опроса взрослого населения Латгальского региона Латвии, проведённого в 2019 году на выборке из 798 человек (Daugavpils University 2019) – гипотезы о том, что представители разных социальных классов современного латвийского общества имеют различные «ресурсные портфели» и ещё более различный совокупный капитал, что определяется разной степенью капитализации ресурсов, имеющихся в распоряжении представителей этих социальных классов. Под капитализацией ресурсов в рамках данного исследования понимается такая ситуация, когда тот или иной ресурс респондента приносит ему денежный доход и/или положение в обществе и/или моральное удовлетворение, т.е. становится его капиталом.

Поскольку в Латвии наблюдаются стабильные и достаточно сильные социально-экономические различия между столичным регионом и всей остальной территорией страны (Воропенко 2006, 2009), то результаты данного исследования могут характеризовать современное латвийское общество с одним ограничением – это не столичное общество, а общество периферийных регионов Латвии,

которые, в свою очередь, практически не отличаются между собой в социально-экономическом плане (Voronenko 2006, 2009).

Ещё одно ограничение данного исследования связано с методологией определения структуры «ресурсного портфеля» и совокупного капитала. Эта методология разработана латвийским социологом В. Меньшиковым (Mensikovs 2009) в Даугавпилсском университете на основе теории социальных полей (англ.: *theory of social fields*) П. Бурдьё (*P. Bourdieu*) (Bourdieu 2005) и ресурсного подхода Н. Тихоновой (Tikhonova 2006), с небольшими изменениями со стороны авторов. Согласно этой методологии группы ресурсов — экономических, культурных, профессиональных, социальных, административных, политических, символических, физических и географических — образуют структуру «ресурсного портфеля», характерную для европейского общества, тогда как в других обществах она может быть иной. Например, результаты недавнего исследования в двух странах Юго-Восточной Азии — Индонезии и Таиланде — показывают, что в этих обществах религиозный капитал играет важную роль в социальной стратификации, поскольку он используется в качестве стартовой основы для доступа к ресурсам (Seda et al. 2020). Но в современной Латвии религиозная принадлежность людей не даёт им никаких социальных преимуществ (Mensikovs, Lavrinovica 2011), т.е. не является детерминантой социального расслоения, что, скорее всего, верно и для Европы в целом.

В следующей части статьи авторы дают теоретическое обоснование для доказательства гипотезы данного исследования, а также разрабатывают методологию исследования, затем следует раздел с описанием результатов исследования и их обсуждением, и завершают статью выводы и предложения для дальнейших исследований в области социальной стратификации.

Теоретическое обоснование и методология исследования

Несмотря на то, что концептуальное понимание социальных классов в обществе часто идеологизировано, это понятие — социальный класс — остаётся одним из самых основных в социологии (Matulionis 2014). Основоположником современной теории социальной стратификации считается американский социолог (российского происхождения) П. Сорокин, автор фундаментальных работ «Проблемы социального равенства» и «Социальная мобильность», из которых в контексте данного исследования наиболее важным является то, что социальная стратификация имеет многомерную систему координат и делится на три плоскости — экономическую, политическую и профессиональную (Sorokin 2007), структурирующие неравенство между различными группами людей (Giddens 1989). Немецкий экономист Г. Шмоллер (*G. von Schmoller*) ещё раньше разработал многокритериальную теорию классов (Shmoller 1906).

В научной литературе существует также подход к определению и описанию классовой структуры общества на основе классификации профессий. Так, основоположник теории креативного класса Р. Флорида (*R. Florida*) выделяет следующие «профессиональные» социальные классы в американском обществе: креа-

тивный класс (около 30% всей рабочей силы США), рабочий класс (четверть всей рабочей силы США), обслуживающий класс (43% всей рабочей силы США) (Florida 2002).

В современной социологии существуют также инновационные подходы к изучению социальных классов (Menshikov 2016). Например, исследование, проведённое в Великобритании для *BBC*, предлагает определять социальные классы по трём категориям параметров – экономическим (доход, сбережения, собственность), социальным (коммуникация и социальные сети) и культурным (интересы и способы времяпрепровождения) (*BBC Lab UK* 2013). Авторы британского исследования считают, что прежнее традиционное разделение общества на рабочий, средний и высший классы устарело и охватывает лишь 39% британцев, и делят современное общество Великобритании на семь классов: 1) элита – наиболее привилегированная группа в Великобритании, отличающаяся от остальных своим богатством и имеющая самые высокие показатели по всем трём категориям параметров; 2) исторически сложившийся средний класс – самая многочисленная группа, занимающая второе место как по материальному богатству, так и по уровню культурного капитала; 3) технический средний класс – небольшая, относительно новая группа людей с высокими доходами, но с низким уровнем социального и культурного капитала; 4) новые материально обеспеченные рабочие – группа молодых социально и культурно активных людей со средним достатком; 5) традиционный рабочий класс – имеет низкий балл по всем формам капитала, хотя его нельзя назвать абсолютно социально незащищённым; 6) новые работники сферы обслуживания – новая, преимущественно городская группа молодых людей, которые относительно бедны, но активны в социальном и культурном отношении; 7) прекариат или нестабильный пролетариат – самый бедный и самый обездоленный класс среди вышеперечисленных, имеющий низкий уровень социального и культурного капитала (исследователи утверждают, что этот класс составляет около 15% населения Великобритании) (*BBC Lab UK* 2013).

В свою очередь, размышляя о будущем человеческого общества, израильский историк Ю. Харари (*Y. Harari*) указывает на всё возрастающую значимость ещё одной плоскости социальной стратификации – биологической: «XXI век может породить общества с таким неравенством, какого ещё не знала история. Глобализация и интернет выравнивают положение стран, но углубляют пропасть между классами. Не исключено, что на пороге глобальной унификации сам человек как вид разделится на разные биологические касты» (Harari 2018).

Несмотря на единодушное принятие многокритериальности как таковой при изучении социальной стратификации в целом (Wong 2011) и отдельных социальных классов (Mensikovs et al. 2020), всё же существуют разногласия между теоретиками структурного функционализма (Holmwood 2005; Parsons, Shils 2013) и сторонниками теории социального конфликта (Dahrendorf 1994; Wright 2000) по поводу того, какие именно объективные критерии необходимо использовать при измерении социальных классов.

Социологи-функционалисты при определении социальной страты полагаются на такие показатели социально-экономического статуса, как образование,

доход и профессия (а именно – её престиж). Иногда для измерения социального класса используется лишь одна из этих трёх переменных, а иногда – две или все три переменные (Barkan 2021).

Признавая целесообразность измерения социально-экономического статуса, социологи, являющиеся сторонниками теории социального конфликта, предпочитают другие – хотя и тоже объективные – критерии измерения социальных классов, которые учитывают собственность на средства производства и другие динамические характеристики рабочих мест. Например, многие менеджеры высшего звена, работающие в корпорациях, не владеют средствами производства, но всё-таки управляют трудом подчинённых им рабочих. Таким образом, их нельзя причислить ни к классу собственников, ни к рабочему классу. Акцентируя существование такого рода проблем, социологи-конфликтологи выделяют тот или иной социальный класс, включая в процесс измерения такие критерии, как владение средствами производства, степень автономии в работе, а также то, контролируют ли респонденты других работников или сами являются контролируруемыми работниками (Wright 2000).

Если же исследователи выбирают субъективный метод, то спрашивают самих респондентов, к какому классу они принадлежат. Например, в США в рамках Всеобщего социального опроса (англ.: *General Social Survey*) респондентам задаётся следующий вопрос: «Если бы Вас попросили использовать одно из пяти названий для Вашего социального класса, к какому из них Вы бы себя отнесли?» и варианты ответов: низший класс, рабочий класс, средний класс или высший класс (NORC at the University of Chicago 2021). Проблема с такой субъективной оценкой заключается в том, что некоторые люди говорят, что они принадлежат к тому социальному классу, который явно не соответствует характеризующим их объективным критериям. Например, в массиве данных 2019 года из 798 взрослых жителей Латгальского региона Латвии было 182 человека с высшим образованием, и 5 из них отнесли себя к низшему классу, 23 – к рабочему классу, большинство – 96 человек – к среднему классу и 5 человек – к высшему классу (Daugavpils University 2019). В свою очередь, из 68 респондентов, имеющих самые высокие по всей выборке доходы на одного члена семьи в месяц (300 евро и выше), один отнёс себя к низшему классу, 6 – к рабочему классу, большинство – 37 человек – к среднему классу и 4 человека – к высшему классу (Daugavpils University 2019). Вообще, по данным социологического опроса, проведённого в Латгальском регионе Латвии, нельзя сказать, что субъективное восприятие своего места в социальной структуре общества сильно коррелирует с доходом домохозяйства, в котором живёт респондент, и уровнем его образования: коэффициент корреляции Кэндела (англ.: *Kendall correlation coefficient*) в первом случае составил лишь +0.259, во втором – +0.245 (в обоих случаях корреляция является статистически значимой и с 99%-ой вероятностью) (Daugavpils University 2019).

В целом, безотносительно к тому, какие именно критерии выбирали и выбирают разные исследователи для изучения социальной стратификации, бесспорно одно: высший класс имеет много богатства, власти и влияния (Kerbo 2009), а низший класс, соответственно, практически не имеет всего вышеперечисленного.

При изучении социальной стратификации, как и любого другого социально-экономического явления, имеет место одна методологическая особенность, а именно: «перекрещивание» ролей структурных элементов, показателей, критериев, факторов, характеризующих изучаемое явление (Zeibote 2018). Это означает, что любой критерий, с помощью которого могут быть измерены социальные классы, может быть одновременно и фактором социальной мобильности. Например, доход или образование очень часто являются критериями для определения социальных классов, но они же обычно (хотя и не всегда) являются и факторами социальной мобильности — теми «социальными лифтами», с помощью которых человек может переместиться, к примеру, из рабочего класса в средний класс. Российские исследователи Э. Хакимов, Р. Валиуллин и Ю. Хабибуллина, изучая методологические и теоретические проблемы социальной стратификации, пишут о том, что власть, собственность, доходы и престиж являются теми социальными критериями, относительно которых дифференцируются люди в процессе социальной стратификации (Khakimov i dr. 2009). И при этом «доход, власть, престиж и образование определяют совокупный социально-экономический статус человека в обществе» (Khakimov i dr. 2009: 94) — то есть, как минимум три категории (доход, власть и престиж) в понимании этих исследователей выступают то в роли критериев социальной стратификации, с помощью которых можно измерить статическое положение человека в социальной иерархии, то в роли факторов, при помощи которых человек может изменить свой социально-экономический статус. И чётко разделить эти роли не представляется возможным, поскольку они многофункциональны: например, с одной стороны, доход свидетельствует об определённом статусе, с другой — является своего рода «лифтом для переезда на другой этаж» социальной стратификации.

В свою очередь, Н. Тихонова предлагает возможность анализа социальной структуры современного общества при помощи ресурсного подхода — нового научного направления, сформировавшегося и активно развивавшегося в последние два-три десятилетия. В качестве основания стратификации представители этого направления выделяют объём и структуру ресурсов (активов, капиталов), которыми располагают индивиды и которые несводимы не только к традиционному экономическому капиталу, но и к сумме экономического, человеческого и властного капиталов. В рамках ресурсного подхода особое значение придаётся новым видам ресурсов — основанных на характере социализации, особенностях поведения, общем уровне культуры и т.п. (и рассматривавшихся ранее только в качестве следствия того или иного экономического статуса). Большое значение придаётся также физиологическим (здоровье, возраст, пол), символическим, личностным и другим ресурсам. По мнению Н. Тихоновой, переход к концепции ресурсов как основанию социальной стратификации не только подготовлен всем предшествующим развитием стратификационных исследований в мире, но и сулит существенный методологический прорыв по отношению к тем противоречиям и сложностям, в которых буквально «застряли» сегодняшние исследования стратификации (Tikhonova 2006).

Материалы и методы

В данном исследовании ежемесячный доход на одного члена семьи и уровень образования респондента являются объективными критериями для измерения социальных классов, а самоидентификация респондента с тем или иным социальным классом — субъективным критерием. Поскольку, как уже отмечалось выше, анализ имеющихся в распоряжении авторов данных социологического опроса жителей Латгальского региона Латвии показал, что субъективное восприятие своего места в социальной стратификации недостаточно коррелирует с доходом домохозяйства, в котором живёт респондент, и уровнем его образования, то для выделения относительно «чистых типов», наиболее ценных для дальнейшего изучения, авторы объединили все три вышеперечисленных критерия. В следующей таблице представлена методика выделения «чистых типов» социальных классов в рамках данного исследования, предполагающая одновременное соответствие представителей низшего рабочего и среднего классов всем трём критериям отбора.

Таблица 1

Методика выделения «чистых типов» социальных классов в рамках данного исследования

Критерии выделения «чистых типов»	Низший рабочий класс**	Средний класс**
Ежемесячный доход на одного члена семьи*	<=100 евро на одного члена семьи	>=300 евро на одного члена семьи
Образование респондента	Ниже среднего	Высшее
Самоидентификация	Отнесение себя к низшему или рабочему классу	Отнесение себя к среднему, высшему среднему или высшему классу

* Имея многолетний опыт проведения и анализа данных социологических исследований, авторы утверждают, что ежемесячный доход на одного члена семьи респондента сильнее влияет на его социальное поведение, мировоззрение и самоидентификацию, чем личный доход.

** По результатам социологического опроса населения не представляется возможным выделить отдельно ни низший, ни высший класс, поскольку самоидентифицируют себя с этими классами лишь единицы респондентов.

Источник: составлено авторами по результатам анализа Daugavpils University 2019 и основываясь на Barkan 2021.

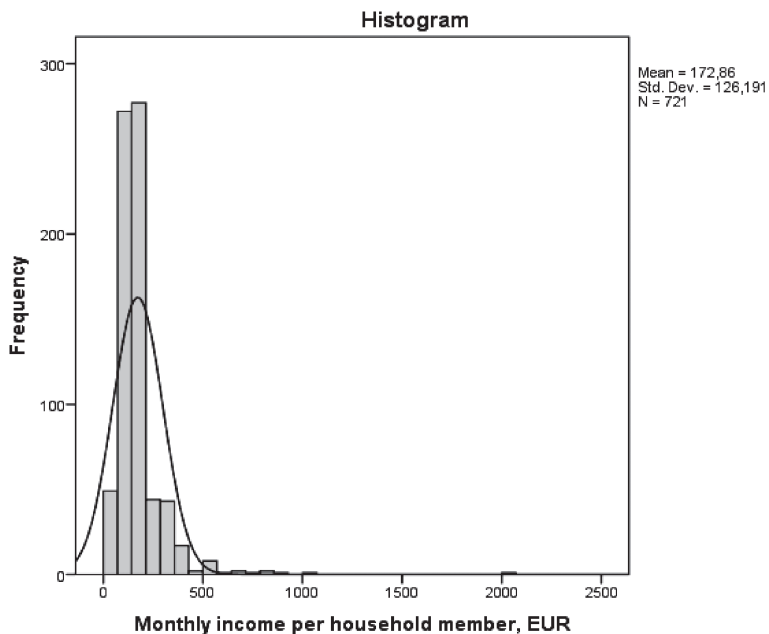
Подбор критериев для выявления «чистых типов» социальных классов в рамках данного исследования (см. Табл. 1) концептуально основан на многомерной системе координат, предложенной П. Сорокиным для определения социальных классов (Sorokin 2007). В свою очередь, необходимость использования именно таких критериев, как доход, образование и самоидентификация для определения социальных классов в рамках данного исследования обосновывается резуль-

татами современных исследований о целесообразности сочетания как субъективных психологических, так и объективных социально-экономических критериев в процессе определения социальных классов: «материальные условия, в которых люди вырастают и живут, оказывают долгосрочное влияние на их личную и социальную идентичность, и это влияет как на их способ мышления, так и на восприятие своей социальной среды» (Manstead 2018). Международная аналитическая и консультационная компания *Gallup* в течение ряда лет предлагала американцам – без всяких предварительных разъяснений и указаний – отнести себя к одному из пяти социальных классов: высшему, высшему среднему, среднему, рабочему и низшему. В результате исследователи компании *Gallup* пришли к выводу о том, что доход, а также образование (в меньшей степени) являются основными факторами, определяющими социальный класс, с которым люди себя идентифицируют (Bird, Newport 2017).

Что касается выбора границ ежемесячного дохода на одного члена семьи для низшего рабочего класса (≤ 100 евро на одного члена семьи) и для среднего класса (≥ 300 евро на одного члена семьи), то выбор показателей в 100 евро и 300 евро в рамках данного исследования был основан, во-первых, на результатах частотного анализа (англ.: *frequency analysis*) выборки по показателю ежемесячного дохода на одного члена семьи: среднее значение составляет 173 евро, медиана – 150 евро, мода – 200 евро, верхний порог дохода для низшего квартиля (25% респондентов с наименьшим ежемесячным доходом на одного члена семьи) – 100 евро, а нижний порог дохода для высшего квартиля (25% респондентов с наибольшим ежемесячным доходом на одного члена семьи) – 200 евро. Во-вторых, границы ежемесячного дохода на одного члена семьи (особенно нижний порог дохода для среднего класса) выбирались, учитывая следующие моменты: 1) размер минимальной заработной платы, составлявшей в 2019 году 430 евро (VID.lv 2021), что не даёт возможности оставить 200 евро в качестве нижнего порога для среднего класса (поскольку это было бы меньше половины минимальной заработной платы). С другой стороны, если повысить нижний порог дохода для среднего класса хотя бы до 400 евро, то реально к среднему классу в рамках выборки можно будет отнести лишь несколько человек; 2) необходимость того, чтобы «чистые типы» социальных классов имели численность по крайней мере 30 респондентов, поскольку в классических научных источниках утверждается, что «минимальный размер выборки для исследований в области социальных наук должен составлять 30–200 человек» (Kish 1965); 3) распределение вероятностей значений ежемесячного дохода на одного члена семьи (см. Рис. 1), свидетельствующее о том, что верхний порог в 100 евро для низшего рабочего класса и нижний порог в 300 евро для среднего класса являются наиболее оптимальными и оправданными как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения.

Рисунок 1

Распределение вероятностей значений ежемесячного дохода на одного члена семьи в Латгальском регионе Латвии, $n = 798$ чел., 2019 год

Источник: создано авторами по результатам анализа данных Daugavpils University 2019 с помощью программы *SPSS*.

Два «чистых типа» социальных классов латвийского общества, полученные в результате применения представленной в Таблице 1 методики, – низший рабочий класс и средний класс – далее будут сравниваться:

- 1) по отдельным социально-экономическим параметрам, позволяющим составить «социологический портрет» низшего рабочего и среднего классов;
- 2) по объёму и структуре «ресурсного портфеля» представителей низшего рабочего и среднего классов;
- 3) по степени капитализации ресурсов, имеющихся в распоряжении представителей низшего рабочего и среднего классов;
- 4) по объёму и структуре совокупного капитала представителей низшего рабочего и среднего классов.

Перечень ресурсов, составляющих «ресурсный портфель» респондентов и объединяемых в девять групп (по три ресурса в каждой группе), разработан социологами Даугавпилсского университета и представлен в следующей таблице. Согласно методологии, созданной профессором В. Меньшиковым и лежащей в основе анкеты социологического опроса жителей Латгальского региона Латвии в 2019 году, ресурсы, не только имеющиеся в распоряжении респондента, но и приносящие ему денежный доход, положение в обществе или моральное удов-

летворение в результате их активации, т.е. использования, являются капитализированными ресурсами, в сумме составляющими совокупный капитал респондента (Mensikovs 2009).

Таблица 2

Шкала-опросник для измерения «ресурсного портфеля» и его капитализации респондентами, созданная на основе вопросов: Какими из ресурсов, представленных в таблице, Вы обладаете? Что из перечисленного приносит Вам обладание каждым конкретным ресурсом?

Ресурсы респондентов	У меня это есть	Это приносит мне:		
		денежный доход	положение в обществе	моральное удовлетво- рение
1	2	3	4	5
Экономические ресурсы				
Недвижимое или движимое имущество	1	1	1	1
Денежные накопления	1	1	1	1
Доходы: частный бизнес, зарплата, дивиденды, доходы с аренды, социальные пособия, гонорары и т.д.	1	1	1	1
Культурные ресурсы				
Широкий кругозор	1	1	1	1
Высокий уровень интеллекта	1	1	1	1
Знание иностранных языков	1	1	1	1
Профессиональные ресурсы*				
Хорошее образование	1	1	1	1
Профессия	1	1	1	1
Высокий уровень профессионализма	1	1	1	1
Социальные ресурсы				
Благоприятная обстановка в семье	1	1	1	1
Связи с влиятельными людьми	1	1	1	1
Много друзей	1	1	1	1
Административные ресурсы				
Лидерские качества	1	1	1	1
Ответственная должность (например, на предприятии, в гос. учреждении и т.п.)	1	1	1	1
Опыт работы в гос. учреждениях, самоуправлениях либо в руководстве частных предприятий	1	1	1	1
Политические ресурсы				
Участие в деятельности общественных организаций (например, политической партии)	1	1	1	1

Продолжение таблицы 2 см. на следующей странице

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5
Гражданство Латвии	1	1	1	1
Статус депутата, политика	1	1	1	1
Символические ресурсы				
Хорошая репутация по месту работы либо в учебном учреждении	1	1	1	1
Способность предлагать новые идеи и увлекать ими других	1	1	1	1
Популярность в своём городе (посёлке, крае, государстве)	1	1	1	1
Физические ресурсы				
Хорошее здоровье	1	1	1	1
Способность преодолевать стрессы и психологические проблемы	1	1	1	1
Красота, внешняя привлекательность	1	1	1	1
Географические ресурсы				
Хорошее место жительства (ухаженный город или село с хорошей инфраструктурой – магазины, транспорт, места для спорта и развлечений, школа и т.д.)	1	1	1	1
Хорошая демографическая ситуация в месте жительства (много женатых пар, много детей и новорожденных и т.д.)	1	1	1	1
Широкий доступ к информации в месте жительства (Интернет, газеты и журналы, общественные мероприятия и т.д.)	1	1	1	1

* Эта группа ресурсов в оригинальной методологии В. Меньшикова, профессора социологии Даугавпилсского Университета, называлась «человеческими ресурсами» (Mensikovs 2009; Menshikov 2011).

Источник: составлено авторами по Mensikovs 2009; Daugavpils University 2019.

В рамках данного исследования и денежный доход, и положение в обществе, и моральное удовлетворение методически рассматриваются авторами как равнозначная отдача от ресурса, но если, к примеру, ресурс приносит респонденту денежный доход и положение в обществе или все три блага сразу, то степень капитализации ресурса будет равна, соответственно, 2 или 3. Объём капитала, полученного в результате активации и последующей капитализации каждого из 27 ресурсов, рассчитывается по следующей формуле:

$$CAP_{tot_i} = RES_i * (RET_{mi_i} + RET_{ss_i} + RET_{ms_i}) \quad (1)$$

где:

CAP_{tot_i} – объём капитала, полученного от каждого ресурса, баллы от 0 до 3;

i – порядковый номер ресурса, от 1 до 27;

RES_i – обладание ресурсом, 0 или 1;

RET_{mi_i} — отдача от ресурса в форме денежного дохода, 0 или 1;
 RET_{ss_i} — отдача от ресурса в форме положения в обществе, 0 или 1;
 RET_{ms_i} — отдача от ресурса в форме морального удовлетворения, 0 или 1;
 $RET_{mi_i} + RET_{ss_i} + RET_{ms_i}$ — степень капитализации ресурсов, баллы от 0 до 3.

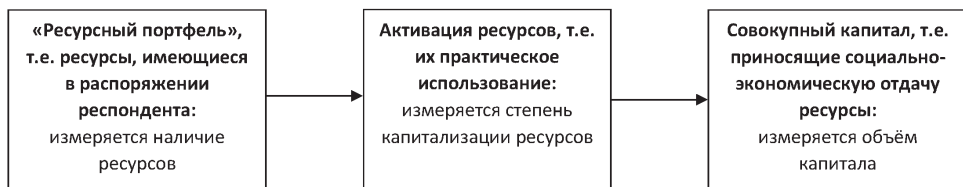
Источник: создано авторами.

Общий объём совокупного капитала респондента — это сумма объёмов капитала (от 0 до 3), полученного от каждого ресурса. В свою очередь, объём отдельных видов капитала (экономического капитала, культурного капитала и т.д.) — это сумма объёмов капитала (от 0 до 3), полученного от трёх ресурсов, входящих в каждую из девяти групп. Тогда объём отдельных видов капитала теоретически может варьироваться от 0 до 9, а объём совокупного капитала — от 0 до 81.

Схема процесса капитализации ресурсов и соответствующих измерений представлена на следующем рисунке.

Рисунок 2

Схема процесса превращения «ресурсного портфеля» в совокупный капитал

Источник: модифицировано авторами на основе Voronenko, Drezgic 2014.

По результатам сравнительного анализа объёма и структуры «ресурсного портфеля» и совокупного капитала «чистых типов» низшего рабочего и среднего классов латвийского общества будет сделан вывод о статистически значимых различиях между группами, на основании чего будет доказана или опровергнута гипотеза данного исследования о разнице в объёме и структуре «ресурсного портфеля» и совокупного капитала, а также о разнице в степени капитализации ресурсов, имеющихся в распоряжении представителей низшего рабочего и среднего классов.

Как уже упоминалось во Введении к данной статье, эмпирической основой представленного исследования являются данные социологического опроса взрослого населения Латгальского региона Латвии, проведённого группой исследователей Даугавпилсского Университета (с участием одного из соавторов данной статьи) под руководством профессора В. Меньшикова в октябре 2019 года. Размер выборки для данного социологического опроса рассчитан по следующей формуле:

$$SS = \frac{p*(1-p)*Z^2}{e^2} \quad (2)$$

где:

SS – размер выборки (англ.: *sample size*), количество респондентов;
 p – доля респондентов с наличием исследуемого признака, десятичное значение;

Z – величина Z (англ.: *Z-score*) (табличное значение для выбранного исследователем доверительного уровня (англ.: *confidence level, CL*));

e – предельная ошибка выборки, десятичное значение.

Источник: Cochran 1963.

Минимальный размер выборки для данного социологического исследования составляет 657 человек в соответствии со следующими параметрами:

- 1) доля респондентов с наличием исследуемого признака берётся по умолчанию – 0.5 (Kish 1965);
- 2) доверительный уровень для данного социологического опроса составляет 96%, величина Z – соответственно 2.05 (LTCC Online 2021);
- 3) предельная ошибка для доверительного уровня в 96% составляет 0.04, что означает: +4% (Cochran 1963).

Фактический размер выборки составляет 798 респондентов, и эта выборка репрезентативна для взрослого населения Латгальского региона Латвии. Выборка стратифицирована по таким социально-демографическим переменным, как возраст, пол, образование, этническая принадлежность и место жительства (город или село). Максимальное отклонение (или предельная ошибка) выборки от структуры всего взрослого населения Латгальского региона Латвии составляет 4% (см. Табл. 3).

Таблица 3

Структура выборки социологического опроса в сравнении со структурой взрослого населения Латгальского региона Латвии, 2019 год

Критерии конструирования выборки социологического опроса	Удельный вес (в %) в выборке социологического опроса, n = 798 респондентов	Удельный вес (в %) в структуре взрослого населения Латгальского региона Латвии, N = 233 505 человек	Отклонение выборки от структуры взрослого населения региона, %
1	2	3	4
Возраст			
15–24 года	11.1	11.7	-0.6
25–49 лет	38.5	36.6	+1.9
50–64 года	29.7	27.0	+2.7
65 лет и больше	20.7	24.7	-4.0

Продолжение таблицы 3 см. на следующей странице

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
Пол			
Мужчина	43.1	45.4	-2.3
Женщина	56.9	54.6	+2.3
Образование			
Ниже среднего	18.0	18.1	-0.1
Среднее (общее или специальное)	57.1	53.1	+4.0
Высшее	24.9	28.8	-3.9
Этническая принадлежность			
Латыши	42.1	45.7	-3.6
Русские	38.4	36.9	+1.5
Другие	19.5	17.4	+2.1
Место жительства			
Город	67.8	65.3	+2.5
Село	32.2	34.7	-2.5

Источник: составлено авторами на основе Daugavpils University 2019; Central Statistical Bureau of Latvia 2019.

Для сбора данных в ходе социологического опроса был выбран метод опроса респондентов по месту жительства с использованием распечатанной анкеты с закрытыми вопросами, которые респонденты заполняли либо самостоятельно, либо интервьюер зачитывал им вопросы и варианты ответов, а затем записывал их ответы.

Результаты и дискуссия

Основываясь на методике выделения «чистых типов» социальных классов в рамках данного исследования, представленной в Таблице 1, авторы выделили в массиве данных, состоящем из 798 жителей Латгальского региона Латвии, только 36 человек, относящих себя либо к низшему, либо к рабочему классу, при этом с образованием ниже среднего и ежемесячным доходом, не превышающим 100 евро на одного члена семьи. В свою очередь, на всём массиве данных из 798 человек авторы обнаружили только 35 респондентов, относящих себя к среднему, высшему среднему или высшему классу, при этом имеющих высшее образование и доход на одного члена семьи, равный или превышающий 300 евро в месяц (Daugavpils University 2019). В результате «чистые типы» социальных классов составили 9% всех респондентов, а все остальные не относятся к «чистым типам», поскольку не соответствуют этим полярным социальным классам либо по ежемесячному доходу на одного члена семьи, либо по уровню образования, либо по самоидентификации, либо по двум из трёх критериев сразу.

Авторам представляется целесообразным не исследовать далее весь массив данных, а сосредоточиться именно на изучении двух — пусть малочисленных —

групп респондентов, но таких, которые наиболее ярко (с помощью сразу трёх критериев) соотносятся с теми социальными классами, которые находятся почти у полюсов социальной структуры современного латвийского общества: низший рабочий класс и средний класс.

Таблица 4
«Социологический портрет» представителей низшего рабочего и среднего классов Латгальского региона Латвии, 2019 год

Критерии сравнения «чистых типов»	Низший рабочий класс* n = 36 чел.			Средний класс* n = 35 чел.			Статистическая значимость различий, p-значение**
	Лат.	Рус.	Др.	Лат.	Рус.	Др.	
Средний возраст, лет	39.6			39.3			0.700
Национальность, %	Лат.	Рус.	Др.	Лат.	Рус.	Др.	0.482
	42.4	45.5	12.1	40.6	34.4	25.0	
Место жительства, %	Город	Село		Город	Село		0.493
	65.7	34.3		57.6	42.4		
Пол, %	Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		0.564
	63.9	36.1		57.1	42.9		
Средний доход на 1 члена семьи в месяц, евро	78.2			420.3			0.000
Средний размер домо- хозяйства, чел.	3.6			2.5			0.001
Среднее количество детей, чел.	1.3			1.2			0.553
Положение на рынке труда							
Студент, %	16.7			5.7			0.147
Работник госучреждения или госпредприятия, %	8.3			45.7			0.000
Работник частного предприятия, %	36.1			42.9			0.564
Безработный, %	19.4			0.0			0.006
Домохозяйка, %	11.1			2.9			0.177
Пенсионер, %	19.4			0.0			0.006
Предприниматель, %	0.0			20.0			0.005
Самозанятое лицо, %	2.8			5.7			0.541

* По результатам социологического опроса населения не представляется возможным выделить отдельно ни низший, ни высший класс, поскольку самоидентифицируют себя с этими классами лишь единицы респондентов.

** Различия между группами статистически значимы, если p-значение (англ.: *p-value*) < 0.05.

Источник: составлено авторами по результатам анализа Daugavpils University 2019.

Анализируя результаты сравнительного анализа представителей низшего рабочего и среднего классов по некоторым социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам, прежде всего необходимо отметить те характеристики, которые не определяют «социологический портрет» представителей низшего рабочего и среднего классов, т.е. различия по этим показателям между двумя классами если и есть, то они статистически не значимы (p -значение > 0.05). Такими характеристиками являются пол респондентов, их возраст, национальность, место жительства (город или село), количество детей, а также наличие у респондентов статуса студента, работника частного предприятия, домохозяйки или самозанятого лица (см. статистическую значимость различий между социальными классами в Табл. 4). В свою очередь, характеристиками-детерминантами принадлежности к низшему рабочему или среднему классу является размер домохозяйства (низший рабочий класс отличается более многочисленными домохозяйствами), статус работника госучреждения или госпредприятия (такой статус очень характерен для представителей среднего класса), статус безработного и пенсионера (ни те, ни другие практически не попадают в средний класс), а также статус предпринимателя, который в свою очередь, часто детерминирует принадлежность человека к среднему классу. Таким образом, можно констатировать, что в современном латвийском обществе, во-первых, те социальные характеристики людей, которые не являются достигаемыми в результате определённого социального поведения, — например, такие, как пол, возраст и национальность, — не являются детерминантами социальной стратификации (см. статистическую значимость различий между социальными классами в Табл. 4). В то же время очень заметна сильная определяющая роль профессионально-трудовых характеристик — особенно статуса работника госучреждения или госпредприятия, который показал себя в качестве одного из самых надёжных социальных лифтов для попадания в средний класс.

Далее авторы сравнивают «чистые типы» представителей низшего рабочего и среднего классов по объёму и структуре их «ресурсного портфеля», не выделяя каждый ресурс отдельно, а объединив их в группы ресурсов.

Анализ данных, представленных в Таблице 5, позволяет увидеть, что общий объём «ресурсного портфеля» среднего класса статистически значимо ($p = 0.000$) превышает таковой у низшего рабочего класса — в среднем у представителей среднего класса имеется в наличии 13.7 ресурсов против 6.5 у представителей низшего рабочего класса. В свою очередь, сравнительный анализ структуры «ресурсного портфеля» по группам ресурсов показывает, что в распоряжении представителей среднего класса имеется большее количество всех видов ресурсов, кроме социальных, физических и географических (см. статистическую значимость различий между социальными классами в Табл. 5).

Таблица 5

Сравнительный анализ «ресурсного портфеля» представителей низшего рабочего и среднего классов Латгальского региона Латвии, по группам ресурсов, * 2019 год

Критерии сравнения «чистых типов»	Низший рабочий класс** <i>n</i> = 36 чел.	Средний класс** <i>n</i> = 35 чел.	Статистическая значимость различий, <i>p</i> -значение***
Общий объём «ресурсного портфеля», от 0 до 27 ресурсов	6.5	13.7	0.000
Количество ресурсов в каждой группе (от 0 до 3 ресурсов):			
Экономические ресурсы	0.9	1.7	0.009
Культурные ресурсы	0.8	1.8	0.001
Профессиональные ресурсы	0.5	1.6	0.000
Социальные ресурсы	0.9	1.4	0.075
Административные ресурсы	0.3	1.8	0.000
Политические ресурсы	0.5	1.1	0.000
Символические ресурсы	0.6	1.7	0.000
Физические ресурсы	0.8	1.4	0.081
Географические ресурсы	1.1	1.3	0.483

* См. Таблицу 2.

** По результатам социологического опроса населения не представляется возможным выделить отдельно ни низший, ни высший класс, поскольку самоидентифицируют себя с этими классами лишь единицы респондентов.

*** Различия между группами статистически значимы, если *p*-значение (англ.: *p-value*) < 0.05.

Источник: составлено авторами по результатам анализа Daugavpils University 2019.

Далее авторы сравнивают «чистые типы» представителей низшего рабочего и среднего классов по объёму и структуре их капитала, так же, как и в случае с группами ресурсов, не выделяя каждый капитал (или капитализированный ресурс) отдельно, а объединив их в группы, соответствующие разным видам капитала.

Сравнительный анализ данных по видам капитала, принадлежащего представителям низшего рабочего и среднего классов, представленных в Таблице 6, показывает, что объём совокупного капитала среднего класса (15.8) ещё больше, чем объём «ресурсного портфеля», — практически втрое — превышает объём совокупного капитала низшего рабочего класса (5.6). Но в различиях низшего рабочего и среднего классов по отдельным видам капитала появляется небольшое отличие: здесь статистически незначимыми являются только различия по физическому и географическому капиталу, а разница в социальном капитале у представителей низшего рабочего и среднего классов становится уже статистически значимой (см. Табл. 6).

Таблица 6

Сравнительный анализ разных видов капитала представителей низшего рабочего и среднего классов Латгальского региона Латвии, 2019 год

Критерии сравнения «чистых типов»	Низший рабочий класс** <i>n</i> = 36 чел.	Средний класс** <i>n</i> = 35 чел.	Статистическая значимость различий, <i>p</i> -значение**
Общий объём совокупного капитала, от 0 до 81 балла	5.6	15.8	0.000
Объём отдельных видов капитала (от 0 до 9 баллов):			
Экономический капитал	0.7	2.0	0.001
Культурный капитал	0.6	2.3	0.000
Профессиональный капитал	0.5	2.1	0.000
Социальный капитал	0.8	1.4	0.036
Административный капитал	0.4	2.4	0.000
Политический капитал	0.4	1.0	0.004
Символический капитал	0.5	2.2	0.000
Физический капитал	0.7	1.3	0.078
Географический капитал	1.0	1.2	0.879

* По результатам социологического опроса населения не представляется возможным выделить отдельно ни низший, ни высший класс, поскольку самоидентифицируют себя с этими классами лишь единицы респондентов.

** Различия между группами статистически значимы, если *p*-значение(англ.: *p-value*) < 0.05.

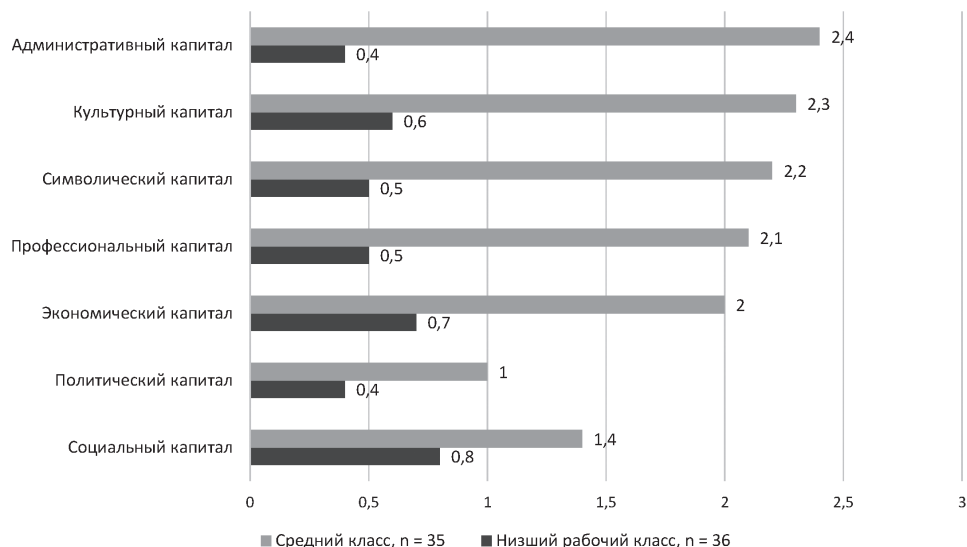
Источник: составлено авторами по результатам анализа Daugavpils University 2019.

Таким образом, утверждение Ю. Харари о важности биологического измерения социальной стратификации в будущем (Naragi 2018) пока ещё неактуально, поскольку эмпирический анализ не показывает статистически значимых различий в физических ресурсах (см. Табл. 5) и физическом капитале (см. Табл. 6) между представителями низшего рабочего и среднего классов. Хотя верно и то, что физические ресурсы в методологии данного исследования несколько отличаются от биологических ресурсов в понимании Ю. Харари.

На Рисунке 3 авторы показали те виды капитала, объём которых статистически значимо отличается у представителей низшего рабочего и среднего классов.

Наибольшие статистически значимые различия между объёмом капитала у представителей низшего рабочего и среднего классов наблюдаются по таким видам капитала, как административный, культурный, символический и профессиональный (см. Табл. 6 и Рис. 3). Эти виды капитала можно считать основными детерминантами социальной стратификации в современном латвийском обществе. В свою очередь, такие виды капитала, как физический и географический (см. Табл. 6), не отличаются статистически значимо по объёму у представителей низшего рабочего и среднего классов и не являются детерминантами социальной стратификации в современном латвийском обществе.

Рисунок 3
**Статистически значимо различающиеся виды капитала* у представителей
 низшего рабочего и среднего классов Латгальского региона Латвии,
 баллы от 0 до 9, 2019 год**

* Виды капитала расположены по убывающей статистической значимости различий между социальными классами.

Источник: составлено авторами по данным Таблицы 6.

В заключение авторы приводят в обобщённом виде результаты сравнительного анализа основных параметров процесса превращения «ресурсного портфеля» в совокупный капитал у представителей низшего рабочего и среднего классов.

Обобщённые данные, представленные в Таблице 7, показывают, что низший рабочий класс, в отличие от среднего класса, имеет не только в среднем меньший по объёму «ресурсный портфель», чем средний класс, но ещё и менее успешен в процессе капитализации своих ресурсов. Эти статистически значимые двухуровневые различия необходимо учитывать при проведении социальной политики, направленной на снижение различий между социальными классами внутри современного латвийского общества.

Таблица 7

Сравнение основных параметров процесса превращения «ресурсного портфеля» в совокупный капитал у представителей низшего рабочего и среднего классов Латгальского региона Латвии, 2019 год

Критерии сравнения «чистых типов»	Низший рабочий класс** <i>n</i> = 36 чел.	Средний класс** <i>n</i> = 35 чел.	Статистическая значимость различий, <i>p</i> -значение**
Объём «ресурсного портфеля», от 0 до 27 ресурсов	6.5	13.7	0.000
Средняя степень капитализации ресурса, от 0 до 3 баллов	0.8	1.2	0.001
Объём совокупного капитала, от 0 до 81 балла	5.6	15.8	0.000

* По результатам социологического опроса населения не представляется возможным выделить отдельно ни низший, ни высший класс, поскольку самоидентифицируют себя с этими классами лишь единицы респондентов.

** Различия между группами статистически значимы, если *p*-значение (англ.: *p-value*) < 0.05.

Источник: составлено авторами по результатам анализа Daugavpils University 2019 в соответствии со схемой, представленной на Рисунке 2.

Выводы

В результате проведённого анализа данных социологического опроса взрослого населения Латгальского региона Латвии, проведённого в 2019 году на выборке из 798 человек, авторы пришли к выводу о том, что очень небольшое количество респондентов, которых, опираясь на многокритериальную теорию классов, можно отнести к относительно «чистым типам» представителей низшего рабочего и среднего классов, свидетельствует о крайней размытости социальной структуры современного латвийского общества, в котором можно встретить огромное разнообразие социальных типов — от малообеспеченных, но при этом высокообразованных групп до относительно обеспеченных, но малограмотных групп, со всем возможным спектром самоидентификации, т.е. в современном латвийском обществе можно найти, к примеру, служащего с минимальным уровнем дохода, причисляющего себя к среднему классу, или экономически успешного строителя с неполным средним образованием, причисляющего себя к высшему среднему классу, а также интеллигентного учителя с несколькими высшими образованиями и низким семейным доходом, причисляющим себя порой к низшему, а порой к среднему или высшему классу — в зависимости от мировоззрения.

Таким образом, авторам на примере низшего рабочего и среднего классов удалось (хотя и с определёнными ограничениями) доказать гипотезу о том, что представители существенно различающихся социальных классов современного латвийского общества имеют различный по объёму совокупный капитал, что опре-

деляется как минимум двумя основными причинами: 1) представители низшего рабочего класса имеют в своём распоряжении гораздо (и статистически значимо) меньший по объёму «ресурсный портфель», чем представители среднего класса; 2) представителям низшего рабочего класса не удаётся так же успешно, как представителям среднего класса, активировать имеющиеся в их распоряжении ресурсы, превращая их в свой капитал. И эти причины не уступают одна другой по своей значимости, что согласуется с результатами исследования многомерной бедности в Латгальском регионе Латвии, проведённого исследователями Даугавпилсского университета с участием одного из авторов данной статьи (Mensikovs et al. 2020).

Эмпирическое изучение объёма и структуры «ресурсного портфеля» и совокупного капитала различных социальных классов в современной Латвии с использованием ресурсного подхода способствует развитию теоретической и прикладной социальной науки посредством практической апробация инновационной методологии исследования. Результаты исследования имеют также определённое практическое значение и могут быть использованы для повышения эффективности социальной политики современной Латвии путём расширения возможностей социальной мобильности низших классов.

В дальнейшем при изучении социальной стратификации современного латвийского общества авторам представляется целесообразным попытаться применить кластерный анализ с использованием разных наборов возможных критериев (включая, к примеру, тип мышления (Andriushyna et al. 2020) или потребления (Yao 2020)), чтобы выделить из выборки опрошенных или из других массивов данных реально складывающиеся в современном латвийском обществе социальные классы, которые могут сильно отличаться от общепринятой в научном сообществе типологии социальных классов: низший класс, рабочий класс, средний класс, высший средний класс и высший класс. Кроме того, для авторов представляет большой интерес эмпирическая проверка гипотезы мультипликации ресурсов (англ.: *resource multiplication hypothesis*) (Kim et al. 2020), методически осуществимая на тех же данных социологического опроса населения Латгальского региона Латвии, которые были эмпирической базой для проведения исследования в рамках данной статьи.

References

- Andriushyna L., Trynyak M., Kakovkina O., Shuba V. (2020) Mindset as a value-related and conceptual factor of economic development of post-colonial states. *Economic Annals XXI*, Vol. 184, No. 7–8, pp. 79–93. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V184-08>
- Barkan S. (2021) Social class in the United States. *Sociology: Understanding and Changing the Social World*. Available: <https://www.peoi.org/Courses/Coursespp/socfwk/contents/frame8c.html> (accessed on 1.12.2021).
- BBC Lab UK. (2013) *Huge Survey Reveals Seven Social Classes in UK 2013*. Available: www.bbc.co.uk/news/uk-22007058 (accessed on 1.12.2021).
- Bird R., Newport, F. (2017) What determines how Americans perceive their social class? *Polling Matters*. Available: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/204497/determines-americans-perceive-social-class.aspx> (accessed on 1.12.2021).

- Boronenko V. (2006) Alternative view on economical regions in Latvia. *Proceedings of the International Scientific Conference "Economic Science for Rural Development"*. Jelgava, 15–16 May. Jelgava: Latvia University of Agriculture.
- Boronenko V. (2009) *Klasteru loma regiona konkuretspejas paaugstinasana*. Doctoral thesis. Jelgava: Latvijas Lauksaimniecibas universitate. (In Latvian)
- Boronenko V., Drezgic S. (2014) Economic determinants of territory competitiveness and development sustainability. *Socialo Zinatnu Vestnesis=Social Sciences Bulletin*, Vol. 19, No. 2, pp. 44–67. Available: https://du.lv/wp-content/uploads/2016/01/SZF_vestnesis_2014_2.pdf (accessed on 1.12.2021).
- Bourdieu P. (2005) *The Social Structures of the Economy*. Wiley.
- Central Statistical Bureau of Latvia. (2019) Population by regions. *Statistical Database*. Available: http://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START__POP__IR__IRD/IRD010/ (accessed on 1.12.2021).
- Cochran W. (1963) *Sampling Techniques*: 2nd ed. New York: John Wiley and Sons.
- Dahrendorf R. (1994) Elementy teorii sotsial'nogo konflikta. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, No. 5, pp. 142–147. (In Russian)
- Daugavpils University. (2019) *Resources of Latgale Region's Population*. Dataset of the sociological survey, Latgale region (Latvia), n = 798 respondents, questionnaire and SPSS database. Available by request: vera.komarova@du.lv.
- Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class, and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic Books.
- Harari Y. (2018) *21 Lessons for the 21st Century*. Spiegel & Grau.
- Holmwood J. (2005) Functionalism and its critics. Harrington A. (Ed.) *Modern Social Theory: An Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Jackson M., Evans G. (2017) Rebuilding walls: market transition and social mobility in the post-socialist societies of Europe. *Sociological Science*, No. 4, pp. 54–79. DOI: <https://doi.org/10.15195/v4.a3>
- Kerbo H. (2009) *Social Stratification and Inequality*. New York: McGraw-Hill.
- Khakimov E., Valiullin R., Khabibullina Yu. (2009) Metodologicheskie i teoreticheskie problem sotsial'noi stratifikatsii. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Kazan State University*, Vol. 151, No. 1, pp. 91–96.
- Kim J.-W., Lim Ch., Falci Ch. (2020) Subjective social class, perceived quality of social relationships, and happiness: a case of mediation and moderation across gender. *International Sociology*, Vol. 35, pp. 312–335. DOI: <https://doi.org/10.1177/0268580920906375>
- Kish L. (1965) *Survey Sampling*. New York: John Wiley and Sons.
- Klein E., Tokman V. (2000) Social stratification under tension in a globalized era. *CEPAL Review*, Vol. 72, pp. 7–29. Available: <https://www.cepal.org/en/publications/10760-social-stratification-under-tension-globalized-era> (accessed on 1.12.2021).
- Lakis P. (1994) Latvijas sabiedribas sociala stratifikacija 1990. gadu sakuma. *Latvijas Zinatnu akademijas Vestis = Bulletin of Latvia's Academy of Sciences*, A, No. 4, pp. 8–13. (In Latvian)
- LTCC Online. (2021) *Small Table of z-values for Confidence Intervals*. Available: <http://www.ltcconline.net/greenl/courses/201/estimation/smallConfLevelTable.htm> (accessed on 1.12.2021).
- Manstead A. (2018) The psychology of social class: how socioeconomic status impacts thought, feelings, and behavior. *British Journal of Social Psychology*, Vol. 57, No. 2, pp. 267–291. DOI: <https://doi.org/10.1111/bjso.12251>

- Matulionis A. (2014) Socialines struktūros tyrimo kryptys. *Filosofija. Sociologija = Philosophy. Sociology*, Vol. 25, No. 4, pp. 239–246. Available: <https://www.proquest.com/docview/1686201161> (accessed on 1.12.2021). (In Lithuanian)
- Menshikov V. (2011) Human capital in the structure of total capital of personality: sociological aspect. *Filosofija. Sociologija = Philosophy. Sociology*, Vol. 22, No. 2, pp. 149–160. Available: <http://mokslozurnalai.lmaleidykla.lt/publ/0235-7186/2011/2/149-160.pdf> (accessed on 1.12.2021).
- Menshikov V. (2016) Experience of research of social classes in Latvia. *Filosofija. Sociologija = Philosophy. Sociology*, Vol. 27, pp. 83–93. Available: <https://www.semanticscholar.org/paper/Experience-of-research-of-social-classes-in-Latvia-Menshikov/222348877a4d6162d1952dc5a97a625de378e86f> (accessed on 1.12.2021).
- Mensikovs V. (2009) Kopkapitals un jaunatnes dzīves stratēģijas: socioloģiskais aspekts. *Sociālo Zinātņu Vēstnesis = Social Sciences Bulletin*, Vol. 9, No. 2, pp. 7–37. Available: https://du.lv/wp-content/uploads/2016/01/SZV_2009_2.pdf (accessed on 1.12.2021). (In Latvian)
- Mensikovs V., Kokina I., Komarova V., Ruza O., Danilevica A. (2020) Measuring multidimensional poverty within the resource-based approach: a case study of Latgale region, Latvia. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, Vol. 8, No. 2, pp. 1211–1227. DOI: [https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2\(72\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2020.8.2(72))
- Mensikovs V., Lavrinovica I. (2011) Socialas diferenciacijas tendences mūsdienu Latvijā. *Proceedings of the Daugavpils University's 53rd International Scientific Conference. Daugavpils, 25–26 April*. Daugavpils: Daugavpils University Publishing House. (In Latvian)
- NORC at the University of Chicago. (2021) Subjective social class-version. *General Social Survey*. Available: <https://gssdataexplorer.norc.uchicago.edu/> (accessed on 1.12.2021).
- Parsons T., Shils E. (2013) *Toward a General Theory of Action*. Cambridge, MA and London: Harvard University Press.
- Schouten M. (1998) *Leadership and Social Mobility in a Southeast Asian Society: Minahasa, 1677–1983*. Leiden.
- Seda F., Setyawati L., Pera Y., Damm M., Nobel K. (2020) Social exclusion, religious capital, and the quality of life: multiple case studies of Indonesia and Thailand. *Economics and Sociology*, Vol. 13, No. 4, pp. 107–124. DOI: <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2020/13-4/7>
- Shmoller G. (1906) *Bor'ba klassov i klassovoe gospodstvo*. Moscow. (In Russian)
- Sidanius J., Pratto F. (1999) *Social Dominance: An Intergroup Theory of Social Hierarchy and Oppression*. New York: Cambridge University Press.
- Sorokin P. (2007) *Sotsial'naia stratifikatsiia i mobil'nost'*. Moscow: Direct-Media. (In Russian)
- Thaning M. (2021) Resource specificity in intergenerational inequality: The case of education, occupation, and income. *Research in Social Stratification and Mobility*, Vol. 75, 100644. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2021.100644>
- Tikhonova N. (2006) Resursnyi podkhod kak novaia teoreticheskaia paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniiax. *Sotsiologicheskie issledovaniia = Sociological Studies*, No. 9, pp. 28–41. (In Russian)
- VID.lv. (2021) *Minimalas menesa darba algas likmes*. Available: http://www.vid.lv/minimalas_algas_likmes.html (accessed on 1.12.2021). (In Latvian)
- Wong S. (2011) Sotsial'naia struktura kitaiskogo obshchestva: dinamika stratifikatsionnykh protsessov. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzby Narodov = RUDN Journal of Sociology*, No. 4, pp. 61–70. Available: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6187> (accessed on 1.12.2021). (In Russian)

Wright E. (2000) *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. New York: Cambridge University Press.

Yao H. (2020) Social class and household consumption: experience from China. *Open Journal of Social Sciences*, Vol. 8, No. 1, pp. 262–271. DOI: <https://doi.org/10.4236/jss.2020.81019>

Zeibote Z. (2018) *Klasteri ka regionalo politiku un konkuretspeju ietekmejoss faktors*. Doctoral thesis. Riga: Baltijas Starptautiska akadēmija. (In Latvian)